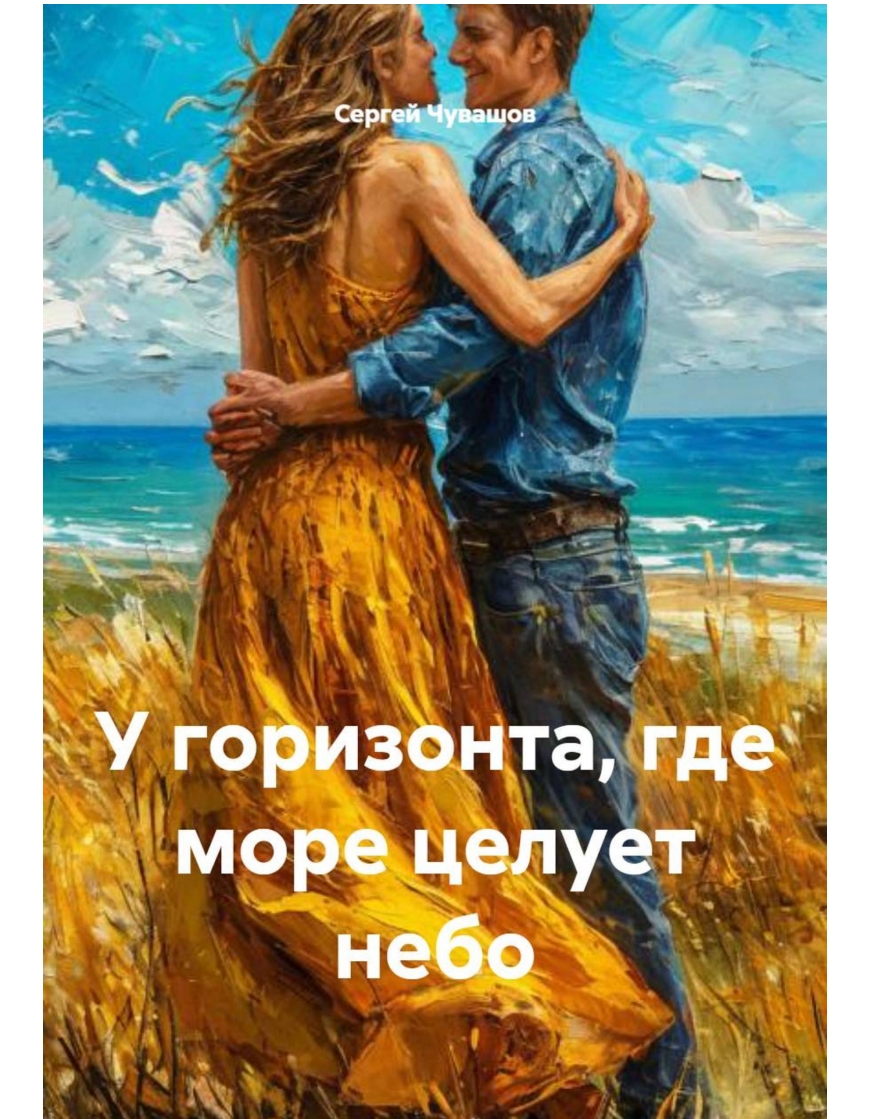

Сергей Чувашов

У горизонта, где
море целует
небо

Сергей Чувашов

У горизонта, где море целует небо

<https://litres.ru/73763327>

SelfPub; 2026

Аннотация

Анна из Кузбасса и Богдан из Ангарска. Два сибирских штриха на ярком полотне Анапы. Всё время учёбы в школе искусств они шли параллельными курсами: она растворялась в пластике танца, он пропадал в запахе масляных красок. Их миры соприкоснулись только в последний день, когда в руках оказались не дипломы, а билеты в неизвестность. Решение родилось спонтанно: отложить отъезд и подарить себе неделю свободы. Неделю экскурсий, смеха и тишины, наполненной разговором волн.

Особенно их манила конная ферма, где время текло иначе. В седле Анна обретала грацию дикой кобылицы, а Богдан ловил мгновения, которые позже переносил на холст. Между ними росло нечто большее, чем дружба: понимание без слов, взгляд, который ищет твой в толпе, тихая радость от того, что кто-то рядом дышит в такт с тобой. Это история о том, как любовь рождается не в бурю страсти, а в тихом свете заката над морем, которое навсегда останется в их сибирских сердцах.

Сергей Чувашов

У горизонта, где море целует небо

Глава 1. Бумажные кораблики

Последний звонок в Анапской школе искусств отзвенел не громкой трелью, а тихим выдохом. Не было привычного столпотворения в коридорах, обрывков нот и взмахов кистей. Была тишина, густая и немного недоуменная, будто само здание не могло поверить, что отпускает их.

Анна стояла у огромного окна в холле, прислонившись лбом к прохладному стеклу. В её руках был синий футляр с заветным дипломом хореографа. Он казался одновременно невероятно лёгким и тяжёлым, как целая жизнь. За окном пылал анапский закат. Небо, будто художник-непоседа, разлило по горизонту акварель: абрикосовую, розовую, сиреневую. Море внизу подхватило эти краски, переливаясь шёлковой тканью, подёрнутой золотыми морщинками. Где-то вдалеке кричали чайки, да ветер лениво перебирал листья стройных кипарисов.

«Всё», – подумала Анна. Три года. Три года, когда утро

начиналось не с гула кузбасских машин, а со скрипа паркета в танцевальном классе, с запаха пота, резины и надежды. Она закрыла глаза, представив бескрайние сибирские леса вокруг родного Междуреченска, острые пихты, пронзающие низкое серое небо. Здесь небо было другим – высоким, щедрым, распахнутым. И море... Море она, выросшая среди тайги, впервые увидела лишь три года назад. Оно тогда показалось ей чудом, невозможной синевой, о которой можно только читать в книгах.

– Кажется, мы последние, – раздался голос рядом.

Анна вздрогнула и открыла глаза. В отражении в стекле, поверх цветного неба, она увидела его. Богдан. Высокий, чуть сутулый, с пышными каштановыми волосами, которые вечно выбивались из-за уха. В руках он сжимал свёрнутый в трубку большой лист ватмана – вероятно, свою дипломную работу. Они учились на разных отделениях: она – на хореографии, он – на живописи. Виделись в столовой, иногда пересекались взглядами на общих собраниях. Он казался тихим, всегда немного отстранённым, погружённым в свой внутренний мир линий и пятен.

– Да, – выдавила она из себя, оборачиваясь. – Похоже на то.

Богдан улыбнулся. Улыбка у него была лёгкая, чуть виноватая, будто он поймал себя на том, что помешал.

– Я просто... диплом забыл в кабинете директора. Вернулся. А ты?

– Жду такси до общежития, – сказала Анна. – Чтобы собрать чемоданы. Завтра уже поезд на Новосибирск.

– А я – на Иркутск, – кивнул Богдан. Он подошёл ближе к окну, его плечо почти коснулось её плеча. Взглянул на закат. – Красиво. Как будто прощается с нами.

Они молча стояли, наблюдая, как последний огненный край солнца касается воды. Тишина между ними была не неловкой, а удивительно спокойной, наполненной общим пониманием момента.

– Знаешь, – вдруг сказал Богдан, не отрывая взгляда от горизонта. – Странное чувство. Три года здесь жил, а как будто ничего и не видел. Только мольберт, холст да палитру. Ни разу не был на той знаменитой конферме, что за Сукко. Всё собирался.

Анна повернула к нему голову.

– Правда? Я тоже. Всё танцы, репетиции, конкурсы. Как в аквариуме жила.

Он наконец посмотрел на неё. Глаза у него были серо-зелёные, цвета моря перед грозой.

— А что, если... — он запнулся, покрутил в руках свёрнутый ватман. — Что если не уезжать завтра? Ну, я не насовсем, конечно. Просто... купить пару экскурсий. Посмотреть всё, что не успели. Как нормальные люди. А не как узники искусства.

Идея повисла в воздухе, смелая и безумная. Анна почувствовала, как что-то ёкнуло внутри, не страх, а щемящий восторг от возможности отсрочки. Отсрочки возвращения в серость, во взрослую жизнь с её неясными перспективами.

— А билеты? — спросила она, уже чувствуя, как согласие поднимается из глубины души.

— Сдам, — пожал он плечами. — Или перенесу. Это же не самолёт. На поезде всегда есть места. Ну, почти всегда.

Он смотрел на неё с таким открытым, почти мальчишеским ожиданием, что Анна не выдержала и рассмеялась. Звонкий, чистый смех эхом разнёсся по пустому холлу.

— Ты с ума сошёл, Богдан из Ангарска.

— Полностью, — согласился он, и его глаза засветились. — Но это того стоит. Обещаю. Одна неделя. Только море, солнце и никаких па де батманов или ультрамариновой сини. Договорились?

Анна посмотрела в окно. На горизонте последняя полоска света таяла, уступая место бархатно-синей ночи. Где-то там была Сибирь, дом, будущее. Но прямо здесь и сейчас было море, тёплый ветер и невероятно безумное предложение.

– Договорились, – тихо сказала она. – Одна неделя.

В тот момент она ещё не знала, что неделя – это не срок, а целая вселенная. И что этот высокий, немного застенчивый художник из Ангарска станет в ней самым важным созвездием.

Глава 2. Песок и акварель

Первое утро их «отпуска» началось не со звонка будильника, а с назойливого крика чаек за окном дешёвого гостевого домика, который они нашли в старой части Анапы. Анна проснулась от странного ощущения лёгкости, будто с неё сняли невидимый корсет расписаний и обязательств. Солнечные зайчики прыгали по выбеленной извёсткой стене, а сквозь незашторенное окно лился воздух, густой от запаха моря, тёплой хвои и чьей-то утренней выпечки.

Они встретились на крохотной кухне-веранде. Богдан, уже одетый в простую серую футболку и поношенные джинсы, возился с закипающим чайником. Анна, в лёгком сара-

фане цвета морской волны, чувствовала себя немного неловко. Вчерашняя решительность в свете дня казалась авантюрой. Что они вообще знают друг о друге?

– Чай? – спросил он, протягивая ей глиняную кружку. – Хозяйка оставила какой-то травяной сбор. Пахнет... югом.

– Спасибо, – Анна взяла кружку, их пальцы ненадолго соприкоснулись. Искры не било, но было ощущение твёрдой, немного шершавой от красок и разбавителей кожи. Настоящей. – Какие планы на сегодня, капитан?

Богдан усмехнулся, откинув со лба непослушную прядь.

– Полагаю, нужно начать с главного. С моря. Не как курортники, которые мажутся кремом и часами лежат, а... как исследователи.

Их «исследование» началось с Центрального пляжа, но быстро наскучило им обоим. Слишкомлюдно, слишком пахло жареными семечками и громкой музыкой. Молча, по обоюдному негласному согласию, они свернули на узкую тропинку, ведущую в сторону Высокого берега.

Здесь Анапа открылась им с другой стороны. Шум стих, уступив место рокоту прибоя внизу и шелесту колючей травы под ногами. Обрывистый берег, поросший шиповником

и диким инжиром, обрывался к бирюзовой воде. Галька под ногами Анны хрустела мелодично, а её тело, привыкшее к гладкому паркету, с наслаждением ловило каждый новый вызов рельефа. Она не могла идти просто так – её шаги то сбивались в лёгкий танцевальный па, то она останавливалась, чтобы поймать равновесие на скользком валуне, раскинув руки, как крылья.

Богдан шёл сзади и наблюдал. Не как попутчик, а как... художник. Он видел, как солнечный свет играет на её влажных от морских брызг волосах, превращая их в медное сияние. Как лёгкая ткань сарафана обрисовывает стройный силуэт при порыве ветра. Он ловил ракурсы: изгиб её шеи на фоне бескрайней синевы, тень длинных ресниц на щеке. Его пальцы непроизвольно сжимались в воздухе, будто нащупывая невидимый карандаш.

– Ты всегда так ходишь? – наконец спросил он, догоняя её на небольшой песчаной косе.

– Как? – обернулась Анна.

– Как будто земля под тобой – это сцена, а ты проверяешь её на прочность и податливость. Или как лошадь перед выходом на манеж.

Анна засмеялась и, подхватив подол сарафана, сделала несколько быстрых, drobных шажков, как в народном танце,

поднимая облачко золотистого песка.

– Просто не могу иначе. Тело просит движения. В Кузбассе, в детстве, я бегала по опушкам тайги и представляла, что танцую для духов леса. Здесь... здесь, кажется, можно танцевать для духов моря. Они, наверное, более ветреные и непоседливые.

– Нарисуй их, – неожиданно сказал Богдан.

– Что?

– Духов моря. Не буквально. Просто... покажи, как ты их чувствуешь. Телодвижением.

Это была странная просьба, интимная. Но в его глазах не было вызова или насмешки. Было чистое, жадное любопытство. Анна на секунду замерла, закрыла глаза, прислушиваясь к шуму волн, к крикам птиц, к собственному дыханию. А потом начала двигаться.

Это не был танец в привычном смысле. Это была пластическая импровизация. Её руки то взмывали вверх, словно подхваченные морским бризом, то мягко опускались, повторяя линии набегающей пены. Корпус изгибался, следуя воображаемым течениям, пятки врезались в песок, оставляя мимолётные узоры. Она была текучей, непредсказуемой, то нежной, как морская гладь на рассвете, то резкой, как штормовой прибой. И всё это – в полной тишине, под аккомпане-

мент природы и пристальным взглядом Богдана.

Когда она остановилась, слегка запыхавшись, на щеках играл румянец. Богдан не аплодировал. Он просто смотрел, и его лицо было серьёзным, ошеломлённым.

– Вот, – выдохнул он. – Вот они. Духи. Я... я никогда не видел, чтобы краску так оживляли. У меня в голове сейчас рождается сотня эскизов.

Его слова согрели её изнутри сильнее, чем южное солнце.
– А ты? – спросила Анна, подходя ближе. – Если бы тебе нужно было нарисовать этот день. Не пейзаж, а... его ощущение. Какие бы краски ты использовал?

Богдан задумался, его взгляд скользнул по линии горизонта, по её лицу, по своим собственным рукам.

– Жжёную умбру – для этой тропы, – начал он медленно.
– Кадмий жёлтый светлый и охру золотистую – для песка на твоих ресницах. Аквамарин и лазурь – для моря, но с обязательной примесью белил, чтобы передать эту подвижную пену. А для неба... – Он замолчал, вновь посмотрев на неё.
– Для неба нужен был бы новый цвет. Такой, в котором смешалась бы синева заката и медный отблеск твоих волос. Его ещё не изобрели.

Тишина снова опустилась между ними, но на этот раз она

была густой, сладкой и полной смысла. Они говорили на разных языках – тела и красок, – но внезапно обнаружили идеальный переводчик.

– Завтра, – сказала Анна, глядя прямо в его серо-зелёные глаза, в которых теперь плескалось отражение моря. – Завтра – на конеферму?

– Завтра, – кивнул Богдан. – Обещаю, это будет лучший холст.

Глава 3. В ритме копыт

Дорога до фермы в окрестностях Сукко вилась среди холмов, поросших виноградниками и низкорослым дубняком. Автобус был старым, пропитанным запахом пыли, бензина и солёного ветра. Анна сидела у окна, и её колено иногда по неосторожности водителя на поворотах касалось колена Богдана. Каждое такое мимолётное соприкосновение отзывалось внутри тихим, тёплым разрядом.

Они почти не разговаривали. Богдан смотрел в своё окно, жадно впитывая пейзажи, которые проносились мимо: белые домики, красные черепичные крыши, ослепительные на солнце теплицы. Его пальцы лежали на коленях и слегка постукивали, будто перенося увиденное на воображаемый

холст. Анна же наблюдала за ним краем глаза. Напряжение в его челюсти, лёгкую игру света и тени на лице. Она начала понимать, что значит «видеть, как художник»: мир для него состоял не из предметов, а из форм, цвета и падающего света.

Ферма встретила их простором, тишиной и терпким, сладковатым запахом степных трав, конского пота и свежего навоза. Запах был на удивление приятным, земным и честным. Длинные белые корабли конюшен тонули в зелени, а за изгородью паслись лошади – десятки существ всех мастей: гнедые, вороные, игреневые с золотистыми гривами.

Их группу встретил инструктор – загорелый мужчина с улыбкой до ушей и спокойными, мудрыми глазами.

– Выбирайте себе пару не глазами, а сердцем, – сказал он. – Подойдите к загону, постойте. Та, которая проявит интерес, – ваша.

Анна сразу же заметила её. Стройную, поджарую кобылу караковой масти с тонкими, «аристократическими» ногами и белой звёздочкой на лбу. Лошадь стояла немного в стороне от табуна и смотрела прямо на неё, большие тёмные глаза казались невероятно глубокими и понимающими. Анна медленно подошла к изгороди, не протягивая руки, просто стояла. Кобыла фыркнула, сделала несколько неторопливых

шагов и опустила свою бархатистую морду ей прямо на ладонь. Тёплое, влажное дыхание, шершавая кожа.

– Здравствуй, красавица, – прошептала Анна. – Меня зовут Анна. Танцую. А ты?

Богдан выбирал дольше. Его привлёк мощный гнедой мерин с спокойным, даже философским взглядом. Но когда он попытался приблизиться, конь равнодушно отвернулся. В конце загона, почти в тени, стоял высокий вороной жеребец. Он не пасся, а будто наблюдал за всем происходящим, держась с холодноватым достоинством. Богдан почувствовал странное родство с этим одиночеством. Он подошёл. Жеребец насторожил уши, но не отступил. Их взгляды встретились – оценивающие, без страха. Через минуту чёрная голова уже доверчиво опустилась к его плечу.

– Его зовут Ворон, – сказал, подходя, инструктор. – Характер... сложный. Но умный. Вижу, он тебя принял. Бывает редко.

Седлать и учиться управлять поводьями оказалось целым искусством. Анна, с её тренированным чувством баланса и тела, схватывала всё на лету. Она интуитивно понимала, как перенести вес, как мягкой командой бёдер дать понять лошади направление. Вскоре она уже уверенно шагала по плацу,

а потом перешла на лёгкую рысь. Её караковая кобыла, которую она назвала Звездой, отвечала на каждое движение с грациозной чуткостью. Анна чувствовала под собой не просто животное, а живой, мощный, но удивительно послушный поток энергии. Это был танец на новом, невероятном уровне.

Богдану было тяжелее. Его тело, привыкшее к статичным позам за мольбертом, сопротивлялось. Он был скован, неуклюж. Ворон, почувствовав неуверенность, начал капризничать. Но Богдан не раздражался. Он дышал глубже, пытался «договариваться», как делал это с капризной акварелью или маслом. И постепенно, очень медленно, они нашли общий язык. Это было не слияние, как у Анны, а скорее уважительное партнёрство.

Потом была конная прогулка по холмистой степи к морю. Инструктор вёл группу впереди, а Анна и Богдан невольно отстали, оказавшись в своём собственном мире. Теперь их лошади шли рядом, и их колени почти соприкасались. С высоты холмов открывался головокружительный вид: с одной стороны – сизая дымка моря, с другой – бескрайние, волнующиеся под ветром ковыльные степи.

– Чем-то напоминает, – тихо сказал Богдан, глядя на степь.

– Сибирь? – угадала Анна.

– Да. Только там тайга. Густая, закрытая, тёмная. А здесь... всё открыто. До самого горизонта. И пахнет не хвоей и сыростью, а полынью и солнцем.

Он замолчал, а потом добавил, не глядя на неё:

– Тебя на лошади... невероятно видеть. Ты не просто едешь. Ты становишься частью её движения. Как будто вы одна стихия.

Анна почувствовала, как от этих слов по её спине пробежали мурашки.

– А ты с Вороном... вы похожи. Оба немного замкнутые, наблюдающие со стороны. И оба – с характером.

Богдан наконец посмотрел на неё и улыбнулся. Настоящей, широкой, чуть смущённой улыбкой, которая преобразила всё его лицо.

– Наверное. Спасибо, что не сказала «упрямые».

Они доехали до обрыва, где степь резко обрывалась вниз, к узкой полоске дикого галечного пляжа. Инструктор дал команду спешиться и дать лошадям отдохнуть. Анна легко соскользнула на землю и, не удержав равновесия на скользкой гальке, сделала шаг в сторону, прямо к Богдану. Он инстинктивно подхватил её за локоть, чтобы она не упала.

Его рука была твёрдой и тёплой. Она замерла, чувствуя это прикосновение через тонкую ткань рубашки. Вокруг шумело море, кричали птицы, фыркали лошади, но для них на секунду всё замолкло. Взгляды их встретились, сплелись, и в этой тишине прозвучало невысказанное.

Он отпустил её первым, отведя взгляд к морю.

– Пойдём, – просто сказал он, и голос его прозвучал немного хрипловато. – Кажется, Звезда хочет пить.

Они повели лошадей к ручью. И пока те пили, шумно и доверчиво опустив головы, Анна и Богдан стояли рядом, плечом к плечу, глядя, как солнце начинает клониться к воде, окрашивая Ворона и Звезду в огненное золото. Между ними ничего не изменилось и изменилось всё. Появилась нить – тонкая, невидимая, но прочная, как повод. И оба уже знали, что обратного пути нет.

Глава 4. Искры над заливом

Вечер после фермы был тёплым и звёздным. Воздух, ещё хранящий дневной жар, пах солёной свежестью и цветущим тамариском. Они вернулись в Анапу молчаливые, но это молчание было другим – насыщенным, как густой мёд, полным невысказанных образов и ощущений: воспоминаний о теплоте конской шеи под ладонью, о взгляде, зацепившемся

за взгляд на краю обрыва.

У входа в их гостевой домик они остановились, не решаясь первыми сказать «до завтра».

– Я... я, наверное, пойду прогуляюсь, – сказала наконец Анна, глядя куда-то в тёмную синеву улицы, ведущей к набережной. – Слишком много впечатлений. Тело просит движения.

– Можно с тобой? – спросил Богдан сразу, без паузы, и это прозвучало так естественно, будто он дочитал её мысль. – Я тоже. Мне нужно... переварить всё это. Обычной ходьбой.

Они пошли по пустынной набережной. Фонари отбрасывали на асфальт длинные, тающие тени. Море шумело слева, невидимое в темноте, но осязаемое каждым нервом – мощным, ритмичным дыханием. Они шли не рядом, а чуть наискосок: он – на полшага сзади, как будто всё ещё подсматривая ракурсы, она – чуть впереди, её шаги были лёгкими, пружинистыми, будто земля была батутom.

– Ты знаешь, о чём я думал, когда мы скакали? – начал Богдан, его голос хорошо ложился на шум прибоя.

– О том, что тебе никогда больше не захочется садиться на лошадь? – улыбнулась Анна в темноту.

– Наоборот. Я думал о пространстве. В Ангарске, в мастерской отца – она у него в гараже – пространство ограничено стенами. Даже когда пишешь тайгу, ты всё равно в клет-

ке. А там, на спине у Ворона... пространство было внутри. Оно раздвигалось с каждым ударом копыт. Я никогда так не чувствовал свободы. Даже картины не дают такого.

Анна замедлила шаг, давая ему поравняться.

– У меня было похожее. Только про контроль. В танце ты контролируешь каждую мышцу, каждый градус поворота. Это прекрасно, но это... клетка точности. А с Звездой... ты отдаёшь часть контроля ей. Доверяешь. И в этом падении в доверие – настоящая свобода. Страшно и восхитительно.

Они дошли до конца освещённой набережной и свернули на узкий пирс, уходящий в чёрную воду. На самом его конце горел одинокий фонарь, вокруг которого вился рой ночных бабочек. Здесь было тише. Они сели на прохладные, чуть шершавые от соли деревянные сваи, свесив ноги над тёмной, мерцающей редкими огоньками глубиной.

– А что будет, когда эта неделя закончится? – тихо, почти шёпотом спросила Анна. Вопрос повис в воздухе, смелый и болезненный.

Богдан долго молчал, глядя на горизонт, где небо сливалось с морем в одну непроглядную бархатную синеву.

– Не знаю, – честно ответил он. – В Ангарске меня ждёт мастерская, претенциозные заказы от местных бизнесменов на портреты и... тишина. Та самая, что давит. А ты? В Куз-

бассе?

– Солисткой в ансамбле народного танца. Гастроли по шахтёрским посёлкам. Репетиции в зале с пахнущим нафталином ковром. И та же тишина. Только в ней ещё и гул от проходящих вдалеке поездов.

Они снова замолчали. Но теперь это молчание было общим грузом, который они несли вместе, плечо к плечу. И от этого он становился легче.

– Знаешь, что я сегодня понял? – сказал Богдан, поворачиваясь к ней. Его лицо в полусвете фонаря было серьёзным, а глаза блестели, отражая далёкие звёзды. – Что я три года видел тебя в столовой. Видел, как ты несёшь свой лоток, как поправляешь волосы резинкой на запястье, как смеёшься с подругами. И я думал: «Вот танцовщица. Грациозная. Как птица». А сегодня... сегодня я увидел не птицу. Увидел тебя. Девушку, которая может бояться, но всё равно делает шаг вперёд. Которая чувствует степь и понимает лошадь лучше, чем любой инструктор. Которая говорит про духов моря и заставляет меня изобретать новые краски.

Он говорил тихо, но каждое слово падало прямо в её сердце, как камень в спокойную воду, расходясь кругами по всему телу.

– А я, – прошептала Анна, и её голос дрогнул, – я видела тихого парня с мольбертом, который всегда один. Думала: «Застенчивый. Погружённый в себя». А сегодня я увидела человека, который умеет слушать. Не только ушами. Который видит мир в оттенках, о которых я даже не догадываюсь. И который... который ловит меня за локоть так, будто боится не столько того, что я упаду, сколько того, что я уйду.

Они смотрели друг на друга, и расстояние между ними, такое ничтожное, вдруг стало целой вселенной возможностей и страхов. Вдали, над морем, вспыхнула и потухла падающая звезда. Богдан медленно, как будто преодолевая невидимое сопротивление, поднял руку и провёл кончиками пальцев по её щеке, смахивая несуществующую песчинку. Прикосновение было таким лёгким, таким трепетным, что у Анны перехватило дыхание.

– Я не хочу, чтобы эта неделя заканчивалась, – сказал он, и это прозвучало как обет.

– Я тоже, – выдохнула она, и её рука сама потянулась, чтобы прикрыть его ладонь, прижатую к её щеке.

В этот момент где-то в порту загудел пароход, и жёлтый луч прожектора скользнул по воде, на секунду осветив их лица – близкие, открытые, беззащитные. Потом свет ушёл, оставив их в благодатной, соединяющей темноте, где было

слышно только их дыхание и вечный шёпот волн, которые, кажется, нашёптывали одно и то же на разных языках: «Доверься. Упади. Лети».

Глава 5. Утренние блики

Следующее утро началось не с неловкости, а с тихой, тёплой уверенности. Анна проснулась с ощущением, будто внутри у неё поселилось маленькое, спокойное солнце. Она лежала, слушая, как за стеной, на кухне-веранде, звенит посуда и шумит вода. Это были звуки Богдана. Она научилась различать их: более медленные, основательные, чем её собственные.

Когда она вышла, он уже поставил на стол две кружки с паром и тарелку, на которой лежали разрезанные пополам персики, их мякоть сияла, как закатное небо, и кусок домашней пахлавы, купленной накануне у старушки на рынке.

– Доброе утро, – сказал он, и его взгляд встретился с её. Не было ни смущения, ни вызова. Было просто... принятие. Как будто так и должно быть.

– Доброе, – улыбнулась Анна, садясь. Прикосновение его пальцев к её ладони на пирсе всё ещё жило на её коже, как солнечное тепло после долгого дня на пляже.

Они завтракали почти молча, но это молчание было комфортным, наполненным смыслом. Анна смотрела, как он аккуратно ест персик, и думала, что даже в этом есть какая-то эстетика – в том, как его пальцы держат сочный плод.

– Чем займёмся сегодня, капитан? – спросила она, откусывая хрустящий лист пахлавы, залитый мёдом.

– Я думал... давай сегодня просто будем людьми, – предложил Богдан. – Без экскурсий, без расписаний. Просто побродим по городу. Там, где не ходят туристы. Может, на рынок. Я хочу купить... не знаю. Местных красок. В прямом смысле.

Старый анапский рынок оказался не туристическим аттракционом, а бьющимся жизнью сердцем города. Здесь пахло не сувенирами, а свежей зеленью, вяленой рыбой, спелыми фруктами и горячим хлебом. Торговались, кричали, смеялись. Анна, выросшая в Сибири, где рынки больше напоминают строгие склады, была очарована этой южной, почти театральной ярмаркой.

Богдан сразу потянулся к рядам с красками и лаками. Он что-то серьёзно обсуждал с пожилым продавцом, рассматривая небольшие тюбики с пигментами. Анна наблюдала за ним, пока сама бродила между прилавками. Её внимание привлекла женщина, продававшая специи и травы. В деревянных лотках лежали золотистые куркума, багряная папри-

ка, зелёный сумах и что-то похожее на маленькие, тёмные шишечки.

– А это что? – спросила она.

– Ладан, милая, – улыбнулась женщина. – Для дома, для благодати. Или для рисунков, если художник. Запах особый.

Анна купила маленький мешочек, руководствуясь внезапным порывом. Когда она вернулась к Богдану, он держал в руках несколько тюбиков и выглядел довольным.

– Смотри, – сказал он, показывая один. – Это не обычная охра. Её здесь, на Тамани, добывают. У неё другой оттенок. Более... пыльный, тёплый. Как земля после дождя.

– А я купила тебе запах, – протянула она ему мешочек. – Ладан. Продавщица сказала, для художников подходит.

Богдан взял мешочек, поднёс к лицу, вдохнул. Глаза его сузились.

– Смола, дым, древность... и что-то сладкое. Спасибо. Это... идеальный запах для мастерской. Настоящей.

Потом они просто бродили, теряясь в узких, запутанных улочках старой Анапы. Купили ещё тёплых лепёшек с сыром и ели их, сидя на низкой каменной ограде какого-то заросшего сада. Разговаривали о пустяках: о том, что в Ангарске нет таких абрикосовых деревьев, о том, как пахнет весна в Кузбассе (талый снег и угольная пыль), о смешном препода-

вателе композиции у Богдана, который всегда ходил в краске.

– Знаешь, что мне сейчас пришло в голову? – сказал Богдан, сбрасывая крошки лепёшки назоyleйным голубям. – Мы всё время говорим о прошлом. О Сибири, об училище. Или о сиюминутном – о море, о лошадях. А о будущем... ни слова.

– Потому что страшно? – предположила Анна.

– Не только. Потому что оно сейчас здесь. В этом переулке. В этих крошках. В том, как ты отряхиваешь руки. Будущее – это не что-то там, впереди. Оно строится из этих вот кирпичиков. Из утра, рынка, лепёшки, разговора.

Анна посмотрела на него, поражённая. Он снова перевернул её представление о мире.

– То есть... наша неделя – это не отсрочка будущего. Это и есть оно?

– Да. По крайней мере, часть. Самая важная, наверное.

Вернулись они затемно, уставшие, пропахшие городом, солнцем и свободой. На пороге домика Богдан вдруг остановил её, положив руку на косяк.

– Анна. Я хочу сделать одну вещь. Можно?

Она кивнула, не в силах вымолвить слово.

Он достал из кармана маленький блокнот для эскизов и

угольный карандаш.

– Не двигайся. Совсем. Пять минут.

Он стал рисовать её. Не портрет, а скорее силуэт в дверном проёме, залитый золотым светом заката изнутри. Он делал это быстро, уверенно, его взгляд метался между её лицом и бумагой, острый, сосредоточенный. Анна стояла, чувствуя, как этот взгляд скользит по её лицу, шее, рукам, – и это было почти так же интенсивно, как прикосновение.

Через несколько минут он протянул ей блокнот. На бумаге она была не фотографически точной. Она была собрана из нескольких смелых, энергичных линий, которые ловили не столько черты, сколько суть: лёгкий наклон головы, мягкость в плечах, что-то неуловимо ожидающее в позе. И в глазах, намеченных всего двумя точками, было столько жизни и глубины, что она ахнула.

– Это я?

– Это то, как я тебя вижу сейчас, – тихо сказал Богдан.
– Девушка на пороге. Между прошлым, которое осталось в доме, и будущим, которое ждёт на улице. Самое прекрасное мгновение.

Анна взяла рисунок дрожащими пальцами. Это был не просто эскиз. Это был ключ. К его миру, к его чувствам, к той части его души, которую он никому не показывал.

– Спасибо, – прошептала она. И, поднявшись на цыпоч-

ки, быстро, почти не касаясь, поцеловала его в щёку. – Это самый дорогой подарок в моей жизни.

Она тут же скрылась в доме, оставив его стоять на пороге с горячей щекой и рисунком в руках, на котором остался лёгкий, невидимый отпечаток её губ. Будущее, сложенное из кирпичиков, сделало ещё один, необратимый шаг вперёд.

Глава 6. Тени кипарисов

Их последующие дни сплелись в одно сплошное, солнечное полотно, где трудно было отличить один от другого. Они побывали в древней Горгиипии, где Богдан часами стоял перед обломками амфор, представляя, как по этим камням ходили совсем другие люди, но с такими же бьющимися сердцами. Они поднимались на Лысую гору, откуда открывался вид сразу на два моря, и Анна, раскинув руки, кричала что-то бессвязное в ветер, а Богдан молча зарисовывал её профиль на фоне бездны.

Они стали единым организмом с двумя сердцами, который дышал ритмом прибоя и питался смехом, новыми вкусами и долгими, задумчивыми разговорами. Их касания становились увереннее: он мог поправить ей сбжавшую прядь волос, она – стереть со щеки случайное пятнышко от мороженого. Но этот пузырь идеального настоящего был хрупким.

Разбила его СМС.

Они сидели в тени развесистого платана на окраине города, доедая купленную тут же чурчхелу. У Богдана зазвонил телефон. Он взглянул на экран, и его лицо, такое расслабленное и светлое секунду назад, вдруг окаменело. Он отложил телефон, не ответив, но настроение было испорчено.

– Кто это? – осторожно спросила Анна.

– Отец, – коротко бросил он. – Интересуется, когда я наконец вернусь и займусь «делом». У него уже есть для меня заказ. Портрет какого-то директора.

Он говорил спокойно, но в его голосе слышалось давно знакомое, глухое раздражение.

– А ты не хочешь? – спросила Анна, уже зная ответ.

– Хочу ли я писать бездушные портреты для кабинетов? Нет. Но мастерская – его. Краски, холсты – на его деньги. В Ангарске всё решают связи и долги. Особенно долги сыновей.

Он замолчал, сжав комок вощёной бумаги от чурчхелы в кулаке.

– Прости, не хотел портить день.

– Ты ничего не портил, – мягко сказала Анна. – Просто... ты никогда не рассказывал про дом. Про семью.

Богдан откинулся на спинку скамьи, глядя сквозь листву на клочки неба.

– Обычная история. Отец – известный в области художник-реалист. Пишет партийных деятелей, почётных граждан. Уважаемый человек. Мать – учительница музыки. Они ждали, что я пойду по стопам отца, но в «правильном» ключе. А я... я увидел импрессионистов в книге и заболел. Хотел ловить свет, а не черты лица. Для отца это был бунт, почти предательство. В Анапу он меня отпустил только потому, что это считалось престижным. А теперь... теперь срок моей «свободной практики» истёк. Пора возвращаться в строй.

Он говорил без жалости к себе, констатируя факты. И в этой спокойной констатации было больше боли, чем в любых криках.

– А ты что хочешь? – прошептала Анна. – По-настоящему.

– Я хочу свою мастерскую. Где пахнет скипидаром, маслом и... ладаном, – он слабо улыбнулся. – Хочу писать то, что вижу, а не то, что от меня ждут. Хочу, чтобы мои картины заставляли людей не кивать в знак уважения, а чувствовать. Как ты заставила чувствовать меня на том пирсе.

Он посмотрел на неё, и в его взгляде была такая уязвимость, что Анне захотелось обнять его и никогда не отпускать.

– А ты? – перебил он свои мысли. – Что ждёт тебя в Междуреченске?

Анна вздохнула. Её история была зеркальной.

– Мама – бывшая балерина, теперь хореограф в ДК. Папа – инженер на шахте. Они развелись, когда я была маленькой. Мама вложила в меня всё. Она ждёт, что я стану примой, поеду в Москву, затмю всех. А я... я люблю танец. Но не как соревнование. А как язык. Как способ сказать то, что словами не скажешь. Но в ансамбле... там нужно быть лучшей. Всегда. А я устала быть лучшей. Я хочу быть просто собой.

Они сидели, слушая, как их страхи, такие похожие и такие разные, встречались в воздухе между ними. Впервые за всю эту волшебную неделю будущее наступило на них не как возможность, а как грозная, неумолимая реальность. Оно дышало им в спину ледяным дыханием Сибири.

– Нам осталось два дня, – сказал Богдан, глядя на свои руки. – Потом поезда развезут нас в противоположные концы страны. На тысячу километров.

В его словах не было вопроса, но вопрос висел в воздухе: «И что теперь?»

Анна ничего не ответила. Вместо этого она взяла его руку в свои, разжала сжатые пальцы и прижала его ладонь к своей

щеке. Закрыла глаза.

– Я не знаю, что будет, – сказала она тихо, её губы шевелились против его кожи. – Не знаю, как это может работать. Но я знаю, что эти семь дней стали для меня единственной по-настоящему моей жизнью. И я не хочу, чтобы это заканчивалось. Не хочу терять это. Тебя.

Богдан перевернул ладонь, чтобы прикоснуться к её лицу, провёл большим пальцем по скуле.

– Я тоже, – его голос сорвался. – Боюсь, что, как только мы сядем в поезда, всё это окажется сном. Прекрасным, ярким сном, который приснился двум сибирским детям у моря.

– Тогда... давай не будем прощаться, – сказала Анна, отрывая глаза. В них стояли слёзы, но она улыбалась. – Давай просто... назначим следующую встречу. Конкретную. Время и место.

Идея была простой и гениальной. Она не отменяла реальность, но давала ей точку опоры.

– Через месяц, – быстро сказал Богдан, как будто боясь, что она передумает. – Первые выходные сентября. Я приеду в Новосибирск. Это почти на полпути. Или ты в Иркутск. Куда угодно.

– Новосибирск, – кивнула Анна. – Я найду способ. У меня

там есть подруга.

Они стали строить планы с жадностью утопающих. Где встретятся, что посмотрят. Это был крошечный, хрупкий мостик, перекинутый через пропасть предстоящей разлуки, но он был. Он существовал.

Вечером они не пошли на набережную. Они купили еды и остались в домике, на крохотной веранде, залитой лунным светом. Говорили мало. Сидели рядом, прижавшись друг к другу плечами, слушая, как в саду стрекочут цикады. Их руки были сплетены, пальцы переплетены так крепко, будто пытались зафиксировать этот момент, сделать его вечным.

Когда Анна уснула, положив голову ему на плечо, Богдан сидел неподвижно, боясь пошевелиться. Он смотрел на её лицо, освещённое луной, и думал, что теперь у него есть две самые главные картины в жизни. Одна – девушка на пороге, между светом и тенью. Другая – эта: девушка, доверчиво спящая на его плече, пока мир за окном готовится их разлучить. И он поклялся себе, что как художник сделает всё, чтобы вторая картина никогда не превратилась в воспоминание.

Глава 7. Последний причал

Их последние два дня в Анапе пропитались особым, горь-

коватым нектаром. Каждое мгновение – от утреннего кофе на веранде под трель неизвестной птицы до вечерних прогулок по уже знакомым, будто родным улочкам – стало бесценным и обречённым. Они ловили время, как бабочек сачком, зная, что скоро придётся выпустить их на волю.

В предпоследнее утро они встали затемно. Молча, в полусне, натянули кофты и вышли из домика. Город спал, окутанный предрассветной синевой и прохладой. Они шли, не держась за руки, но их шаги были абсолютно синхронны, будто отбивали один такт на сердце города. Цель у них была одна – увидеть последний совместный рассвет на море.

На пустынном пляже они сели на прохладный песок, обняв колени. Восток только-только начал разгораться бледным, перламутровым светом.

– Помнишь свой первый рассвет у моря? – спросил Богдан, его голос звучал хрипловато от утренней прохлады.

– Помню, – кивнула Анна, прижимаясь к нему плечом. – Три года назад. Я выбежала из общежития в одной ночнушке. Думала, умру от восторга. Плакала. Потому что не верила, что такое бывает. Теперь... теперь я плачу, потому что верю. И потому что это заканчивается.

Небо на востоке заиграло красками. Сначала нежно-розовым, потом огненным, абрикосовым. Богдан смотрел не на

солнце, а на её лицо, освещённое этим рождающимся светом. Запоминал, как золотятся ресницы, как тень от носа ложится на щеку, как губы, приоткрытые от волнения, ловят первый луч.

– Я напишу этот рассвет, – сказал он тихо. – Но не таким, каким его вижу я. Таким, каким его видишь ты. Через призму твоего дыхания, твоего ожидания. Это будет наша картина.

Анна повернулась к нему. В её глазах стояли слёзы, но она улыбалась.

– А я станцую его для тебя. Когда-нибудь. В Новосибирске. На самой обычной квартире, при свете лампы. Я станцую тебе утро, которое не хотело заканчиваться.

Солнце, огромный огненный шар, выплыло из-за горизонта, залил мир ликующим, безжалостным золотом. Они замолчали, впитывая последнее анапское чудо. Знали, что больше такого не будет. Будет другое. Но этого – уже нет.

Последний день они решили прожить по маршруту самого первого – прошли по той же тропе на Высокий берег, снова сидели на том же пирсе. Но теперь всё было иным. Они не говорили о духах моря и новых красках. Они говорили о практическом: номерах поездов, времени прибытия, адресах в Новосибирске. Их романтический побег превращался

в логистическую операцию по сохранению чуда.

Вечером, уже упаковав чемоданы, они устроили «прощальный ужин» на веранде. Купили местного вина, лаваша, сыра и оливок. Ели при свете гирлянды, которую хозяйка дома оставила вьющейся по перилам.

– Я купил тебе кое-что, – сказал Богдан, когда вино немного согрело и размягчило остроту расставания. Он достал из кармана маленький, продолговатый свёрток в грубой бумаге.

Анна развернула. В ладони лежал тонкий серебряный браслет-цепочка, а на нём висела крошечная подвеска в виде стилизованной лошадиной головы.

– Чтобы помнила про Звезду, – пояснил он смущённо. – И... чтобы была частица этой свободы с тобой всегда.

– Он прекрасный, – прошептала Анна, тут же надела его на запястье. Браслет блеснул в свете гирлянды. – Спасибо. У меня... тоже кое-что есть для тебя.

Она протянула ему не свёрток, а свой блокнот, в котором обычно делала хореографические пометки. На первой странице был нарисован углём (его же углём, который она незаметно стащила) быстрый, летящий набросок: две фигуры на пирсе, спиной к зрителю, на фоне условных морских бликов. И подпись: «Наш первый закат. И не последний. Твоя Анна».

– Я не умею рисовать, как ты, – сказала она. – Но я попыталась поймать чувство. Тот момент.

Богдан долго смотрел на рисунок, проводя пальцем по линиям.

– Это идеально, – сказал он наконец, и голос его дрогнул. – Ты поймала самое главное. Я сохраню это навсегда.

Ночь перед отъездом они провели, не смыкая глаз, на той же веранде, завернувшись в один плед. Говорили обо всём и ни о чём. Смеялись над глупостями. Иногда замолкали, и тогда в тишине было слышно, как бьются их сердца – тревожно, но в унисон.

Когда на востоке снова засветлело, пришло время. Такси ждало у калитки. Они стояли в дверном проёме, том самом, где он нарисовал её.

– Я не буду говорить «прощай», – сказала Анна, глядя ему прямо в глаза.

– И я нет, – кивнул Богдан. – Только «до встречи». В Новосибирске. Через месяц.

– Через месяц.

Он притянул её к себе и впервые поцеловал. Не в щёку, а в губы. Это был не страстный, а прощальный и одновременно обетный поцелуй. В нём была вся горечь расставания и вся сладость обещания. Он длился всего несколько секунд, но в нём уместилась вся их неделя – каждый луч солнца, каждый

шорох волны, каждый взгляд и каждое невысказанное слово.

Они разъехались в разные стороны: он – на вокзал в сторону Иркутска, она – в сторону Новосибирска. Когда такси Анны тронулось, она обернулась и увидела, как он стоит на пустой улице, высокий и одинокий, провожая её взглядом. Потом он поднял руку в прощальном жесте, и в первый луч восходящего солнца блеснула в его руке страничка из её блокнота.

Такси свернуло за угол. Анапа, море, кипарисы и неделя, перевернувшая мир, остались позади. На запястье у Анны холодом прижимался серебряный браслет, а в груди горело обещание и жгучее, пронзительное счастье, которое теперь должно было пройти испытание расстоянием и временем. Путешествие только начиналось.

Глава 8. Разные берега одной реки

Сибирь встретила Анну привычным, тоскливым объятием. В Новосибирске, куда она вернулась к матери, уже всю хозяйничала ранняя осень. Небо было низким, свинцово-серым, а воздух пах не полынью и морем, а опавшей листвой, угольной пылью и тоской. Первые дни пролетели в тумане. Анна механически ходила на репетиции в ансамбль «Сибиряночка», где хореограф-мать с холодноватой оцен-

кой разбирала каждое её па, отмечая «распушенность осанки» и «потерю тонуса».

Тело Анны, ещё помнившее свободу движения на спине у Звезды и пластичные импровизации на песке, сопротивлялось жёстким, отточенным годами народным комбинациям. Её душа была там, у тёплого моря, а здесь требовали отдачи сто процентов. По вечерам, закрывшись в своей старой комнате, украшенной дипломами и фотографиями с конкурсов, она снимала с запястья серебряный браслет, клала его на стол и смотрела, как при свете настольной лампы крошечная лошадка отбрасывает длинную, дрожащую тень. Это был её ритуал связи с другой реальностью.

Связь с Богданом поддерживалась тонкой, но прочной нитью сообщений и редких, украдкой звонков. Писать было проще. В текстах можно было быть смелее.

Богдан (23:14): Вернулся. Мастерская отца пахнет скипидаром и разочарованием. Вчера начал тот портрет. Лицо как из воска. Руки не слушаются, хотят писать не морщины, а свет из окна, падающий на вазочку с искусственными цветами. Глупо, да?

Анна (23:47): Не глупо. Это значит, ты – живой. Моя мама сегодня сказала, что я «разленилась у моря». А я просто поняла, что танец может быть не только отточенным, но и

искренним. Сложно объяснить.

Богдан (00:15): Объясни мне. Когда увидимся. Три недели и четыре дня.

Они вели свой тайный отсчёт, как заключённые, высчитывающие дни до освобождения. Реальность давила на них с обеих сторон. Богдан всё чаще упоминал отца, его недовольные взгляды, тяжёлые разговоры о «серьёзном искусстве» и «настоящем заработке». Анна писала о бесконечных репетициях, о пустом взгляде в зеркало зала, о том, как скучает по запаху моря и звуку собственного смеха, который был таким лёгким в Анапе.

Однажды вечером, после особенно изматывающего дня, когда мать в очередной раз раскритиковала её «профессиональную несостоятельность», Анна не выдержала. Она вышла на балкон своей хрущёвки, кутаясь в старый свитер. Вдали гудели поезда, и этот звук почему-то всегда навевал грусть. Она набрала его номер.

Он ответил почти сразу, голос сонный, но встревоженный.

– Анна? Что случилось?

– Ничего. Всё нормально. Просто... очень захотелось услышать твой голос, – она чувствовала, как предательски дрожит её подбородок.

– Я здесь, – сказал он мягко. – Рассказывай.

И она рассказала. Всё. Про ощущение клетки, про то, что танец перестал быть радостью и стал обязанностью, про холодную требовательность матери. Говорила тихо, чтобы не слышали из квартиры, и слёзы текли по её щекам, оставляя на ветру ледяные дорожки.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.